

1-й Белорусский фронт и стратегическое планирование операции «Багратион» в апреле–мае 1944 г.

Максим Сеницын

23 июня – 29 августа 1944 г. войсками 1-го Прибалтийского (генерал армии И.Х. Баграмян), 3-го (генерал-полковник, с 28 июня генерал армии И.Д. Черняховский), 2-го (генерал-полковник Г.Ф. Захаров) и 1-го (генерал армии, с 29 июня Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) Белорусских фронтов была проведена стратегическая наступательная операция «Багратион», в результате которой советские войска прорвали оборону противника одновременно на шести участках, окружили и уничтожили его группировки в районах Витебска и Бобруйска, а также оршанскую и могилёвскую, а затем – часть сил группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Э. Буш, с 25 июня¹ генерал-фельдмаршал В. Модель) в районе Минска. Гитлеровские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными около 500 тыс. человек; Красная армия завершила освобождение Белоруссии, освободила часть Литвы и Латвии, вступила на территорию Польши, форсировала реки Нарев, Висла и подошла к границам Восточной Пруссии².

Высшим органом стратегического руководства Вооружёнными силами СССР во время Великой Отечественной войны (с 8 августа 1941 г.) была Ставка Верховного главнокомандования (СВГК), опиравшаяся на подчинённый ей Генеральный штаб. Важными направлениями деятельности Ставки являлись принятие стратегических и оперативно-стратегических решений, создание группировок войск, организация и координация действий в ходе операций между группами фронтов, фронтами и отдельными армиями. Именно в СВГК штабы фронтов представляли планы действий своих войск в ходе грядущих операций. Только после детального обсуждения и соответствующей корректировки в Ставке эти планы утверждались. Частью Белорусской операции была Бобруйская фронтовая наступательная операция, проведённая 24–29 июня войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта с целью окружения оборонявшейся 9-й немецкой армии. С учётом тяжелейших условий лесисто-болотистой местности штабу 1-го Белорусского фронта пришлось принимать нестандартные решения при планировании этой операции.

История стратегического планирования операции «Багратион» описана в мемуарах известных военачальников – Г.К. Жукова³, К.К. Рокоссовского⁴, И.Х. Баграмяна⁵, С.М. Штеменко⁶. В ряде же научных трудов, затронувших эту

© 2015 г. М.В. Сеницын

В основу статьи легло исследование, получившее в 2014 г. первую премию на конкурсе «Наследие предков – молодым», проводящемся Российским историческим обществом при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

¹ По другим источникам – 28 июня. См., например: *Хаунт В.* Сражения группы армий «Центр». М., 2006. С. 330.

² Военный энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 161–162.

³ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002.

⁴ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 2013. С. 284.

⁵ *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. М., 1977.

⁶ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.

тему, анализ действий СВГК в подготовительный период операции практически не представлен⁷. И.П. Макар хотя и посвятил этой проблеме одну из своих работ, но не уделил в ней должного внимания планам 1-го Белорусского фронта и не осветил подробно многие важные вопросы, обсуждавшиеся на совещаниях в СВГК 22–23 мая 1944 г., в том числе и такой, как возникшие между Ставкой и Рокоссовским разногласия относительно плана боевых действий в ходе Бобруйской операции⁸. Рассматриваемая проблема остаётся «за кадром» и в работах исследователей действий СВГК в годы войны. Так, А.А. Александров этап планирования пересказывает с мемуаров Штеменко⁹, а генерал-полковник Ю.А. Горьков лишь упоминает об отсутствии согласия между Ставкой и Рокоссовским, цитируя мемуары последнего¹⁰. Затронувшие эту тему бывший начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М.С. Малинин¹¹ и бывший член Военного совета фронта генерал-лейтенант К.Ф. Телегин¹² ряд эпизодов трактуют по-разному. Таким образом, в отечественной историографии многие вопросы, связанные с планированием действий 1-го Белорусского фронта в летней кампании 1944 г., до сих пор детально не изучены. Во многом это объясняется особой секретностью материалов, совещаний СВГК и Генштаба в целом, но вполне вероятно, что исследователи не могли затрагивать эту тему, поскольку в мемуарах некоторых видных военачальников изложены совершенно противоположные взгляды на один из важнейших эпизодов кампании – совещание в Ставке относительно планов действий 1-го Белорусского фронта. Соответственно, остаются не ясными как сам процесс планирования операции штабом 1-го Белорусского фронта, так и характер взаимодействия Ставки с фронтами в ходе её подготовки. Цель данной статьи – по возможности достоверно отобразить события конца апреля–мая 1944 г., опираясь в том числе на ранее не использованные источники, среди которых документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

В марте 1944 г. 2-й Белорусский фронт (генерал-полковник П.А. Курочкин) наступал в Полесье между 1-м Белорусским (генерал армии К.К. Рокоссовский) и 1-м Украинским (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) фронтами. По этому поводу Рокоссовский писал: «Левым крылом фронт упирался в огромные полесские болота, что до крайности ограничивало возможность манёвра»¹³. Считая неприемлемым и дальше наступать с тем же небольшим размахом, что и раньше, в конце марта «гений манёвра» обратился к Верховному главнокомандующему И.В. Сталину с просьбой объединить 1-й и 2-й Белорусские фронты. Но только после провала операции по захвату Ковеля 2-м Белорусским фронтом было принято окончательное решение о его присоединении к 1-му и о созда-

⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 40–42; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1962. С. 158–159; Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 70–78; Операции Советских вооружённых сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. М., 1958. С. 290–299.

⁸ Макар И.П. Операция «Багратион». Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 3–10.

⁹ Александров А.А. Битва ставок. Великое противостояние 1941–1945. М., 2003. С. 300–301.

¹⁰ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 117.

¹¹ Малинин М. О действиях войск 1-го Белорусского фронта в Белорусской наступательной операции // Военно-исторический журнал. 1959. № 7. С. 19.

¹² Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1969. № 6. С. 83–84.

¹³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 281.

нии единого Белорусского фронта (назывался так с 5 по 16 апреля, затем – 1-й Белорусский). Таким образом, к 5 апреля фронт под командованием Рокоссовского имел протяжённость в 800 км¹⁴, что «давало нам огромные преимущества в манёвре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья, как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля»¹⁵. Таким образом, ни о каких наступательных действиях в полесских болотах тогда речь не шла. 12 апреля штаб фронта Рокоссовского переместился из Гомеля в Овруч¹⁶, на левый фланг фронта, – именно туда прежде всего и было обращено внимание командующего.

Планирование наступления в Белоруссии началось 12 апреля 1944 г. (в СВГК принято решение о том, что одной из первоочередных задач в летней кампании станет разгром группировки немецких войск на территории республики). 15 апреля Белорусский фронт перешёл к обороне. 22 апреля заместителя Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова вызвали в Ставку для обсуждения летне-осенней кампании 1944 г. В тот же день состоялось заседание Генерального штаба Красной армии, на котором было решено осуществить основной удар силами наступающих в Белоруссии фронтов¹⁷. Бывший в то время начальником Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский вспоминал, что начиная с 23 апреля с юга, в частности с Крымского полуострова, приступили к выведению сил на белорусское направление¹⁸. Значит, к тому моменту решение о наступлении именно в Белоруссии уже приняли, и началась переброска войск.

Этим событиям предшествовали весьма успешные наступательные операции РККА на правобережной Украине, в результате которых образовался «Белорусский балкон». Линия фронта проходила с севера на юг от Витебска до Бобруйска, а затем поворачивала на восток и далее шла вдоль районов Полесья, доходя почти до советско-польской границы. Поэтому в конце мая советское верховное командование, исходя из построения обороны противника, после долгих совещаний окончательно утвердило план: силами 3-го и 1-го Белорусских фронтов нанести удар по сходящимся направлениям на Минск; на первом этапе эти фронты проводили Витебско-Оршанскую и Бобруйскую операции. В центре перед фронтом Рокоссовского простиралась полесские болота. Ему предстояло провести операцию, которая согласно плану всего наступления в Белоруссии должна была стать одной из ключевых. На втором этапе войскам именно 1-го Белорусского фронта следовало соединиться с 3-м под Минском, окружив все немецкие части, располагавшиеся в треугольнике Бобруйск–Минск–Витебск.

Однако к концу апреля общий план проведения операции всё ещё не был готов – в Ставке только начали принимать предложения от командующих фронтами. 24 апреля в кабинете Сталина Рокоссовский изложил свой план наступательной операции. Он находился в кабинете более часа (с 21.20 до 22.30) вместе с заместителем начальника Генштаба генералом армии А.И. Антоновым и заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф. 233, оп. 2356, д. 7, л. 98.

¹⁵ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. С. 281.

¹⁶ *Холин А.Т.* Радисты фронта. М., 1985. С. 136.

¹⁷ Освобождение Белоруссии. 1944. М., 1974. С. 16.

¹⁸ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 389.

лейтенантом А.А. Грызловым¹⁹. Вероятнее всего (с учётом принятого 22 апреля решения о наступлении в Белоруссии), там обсуждались именно дальнейшие действия 1-го Белорусского фронта. План Рокоссовского в первую очередь касался его левого участка, что подтвердил и заместитель командующего 1-го Белорусского фронта по тылу генерал-лейтенант Н.А. Антипенко: «Из бесед с Рокоссовским и Малининым стало ясно, что главный удар по противнику будет наносить левое крыло фронта – со стороны Ковеля на Люблин»²⁰.

Уже 26 апреля Рокоссовский прибыл в Генштаб, где представил составленную его штабом карту²¹. Важно отметить, что поскольку она является секретной, то подтвердить или опровергнуть нижеследующие утверждения, исходя из неё, не представляется возможным. Однако в «Журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта» за июнь читаем: «При поездке в Генеральный штаб 26.4.44 г. командующего войсками фронта и начальника оперативного отдела была сделана, в соответствии с полученными указаниями, намётка плана операции на Бобруйском направлении. Тогда же по указанию командующего войсками фронта начальником оперативного отдела был набросан на карте план операции войск левого крыла фронта»²². Именно на «левом крыле фронта» до начала мая командование 1-го Белорусского фронта планировало главный удар, обходя труднопроходимые районы Полесья. Так рождался первый план наступательных действий 1-го Белорусского фронта, о котором пишут все биографы Рокоссовского по изданным в 1968 г. воспоминаниям бывшего начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника С.М. Штеменко.

В конце апреля штаб 1-го Белорусского фронта подготовил общий план наступления своих войск. Согласно мемуарам Штеменко²³ и Рокоссовского²⁴, операцию планировалось провести в два этапа: на первом, продолжительностью до 12 дней, силами четырёх армий следовало захватить вражеские позиции по восточному берегу р. Западный Буг на участке от Бреста до Владимира-Волынского, обойдя таким образом правый фланг группы армий «Центр»; на втором – задействовать уже все силы фронта, чтобы разгромить бобруйскую и минскую группировки противника. Левофланговые армии должны были из района Бреста прорваться в тыл врага на Кобрин–Слоним–Столбцы, обходя полесские болота с севера. Второй удар наносился правым крылом фронта из района Рогачёв–Жлобин в общем направлении на Бобруйск–Минск. На всю операцию с учётом подготовительного периода требовалось до 30 дней. Успех обходного манёвра гарантировался только при условии усиления обходящего левого крыла фронта одной-двумя танковыми армиями, так как по данным штаба 1-го Белорусского фронта на брестско-ковельском направлении было сосредоточено $\frac{3}{4}$ находящихся перед фронтом сил противника²⁵. «Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте... – писал Штеменко. – К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в район Ковеля необходимые силы и средства, осо-

¹⁹ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2010. С. 431.

²⁰ Антипенко Н.А. Рядом с Г.К. Жуковым и К.К. Рокоссовским (Очерки). М., 2001. С. 23.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 33, л. 25.

²² Там же, д. 256, л. 4.

²³ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 174.

²⁴ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 281–282.

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 113, л. 87.

бенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел К.К. Рокоссовского осуществлён не был»²⁶ (см. рис. 1).

К этому стоит добавить, что, по воспоминаниям Жукова, «в конце апреля

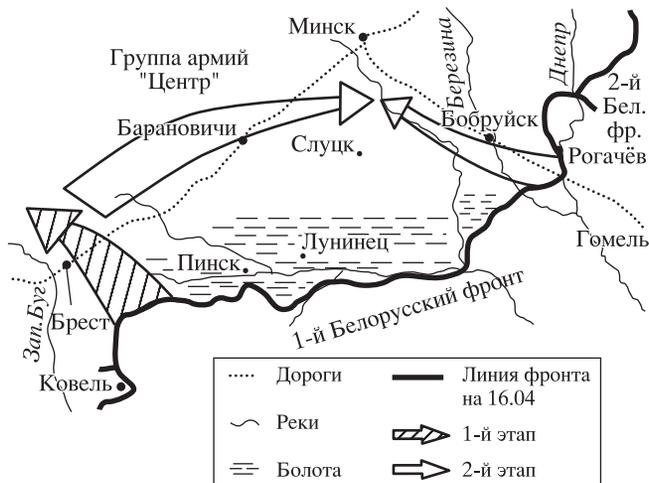

Рис. 1. Первоначальный план операции войск 1-го Белорусского фронта (апрель – начало мая 1944 г.)

И.В. Сталин принял окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции, и дал указание А.И. Антонову организовать в Генштабе работу по планированию фронтовых операций и начать сосредоточение войск и материальных запасов фронтам»²⁷. Получается, именно в конце апреля выяснилось, что изначальный план Рокоссовского не может быть претворён в жизнь из-за нехватки резервов. Значит, по указанию СВГК продвигавшийся ещё с конца марта штабом 1-го Белорусского фронта план должны были пересмотреть. Первый план действий фронта Ставка не приняла и предложила его сократить, о чём впоследствии писал Штеменко: «Сосредоточились на урезанном варианте операции севернее припятских лесов и болот. Перед тем мы снова запросили соображения командующего 1-м Белорусским фронтом, указав на перспективу подчинения ему 28-й армии и 9-го танкового корпуса»²⁸.

Точную дату отправки в штаб 1-го Белорусского фронта сообщения Ставки о необходимости пересмотра плана его действий установить не удалось, однако на собранном 4 мая Военном совете фронта уже чётко оговаривалось, что из резерва СВГК выделяется 28-я армия²⁹. Следовательно, данное сообщение могло быть отправлено между 28 апреля (принятие Сталиным окончательного решения о наступлении в Белоруссии) и 4 мая. Уже 12 мая новую редакцию плана направили в Ставку, которая, бесспорно, дав указания пересмотреть первоначальный вариант, определила конкретные сроки на доработку документа. Так, вызванный в Москву в начале мая Баграмян вспоминал о разговоре

²⁶ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 174–175.

²⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 219–220.

²⁸ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 176–177.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 26, л. 38.

с Антоновым, сообщившим ему, что «примерно в середине мая Ставка намерена совместно с командующими войсками фронтов рассмотреть и утвердить окончательный её замысел и план подготовки»³⁰. Таким образом, времени на переработку плана операции у штаба 1-го Белорусского фронта почти не оставалось.

4 мая 1944 г. Рокоссовский провёл совещание (присутствовали командующие 3, 48 и 65-й армий, командующие артиллерией этих армий, а также начальники тыла и артиллерии фронта, заместитель командующего фронта по формированиям и командующий 16-й воздушной армией) и озвучил поступившие указания высшего командования по проведению операции с целью выхода войск фронта на дороги восточнее Бобруйска, т.е. на восточный берег р. Березина. Командующий 3-й армией генерал-лейтенант А.В. Горбатов доложил о намерении наступать с плацдарма на р. Друть, указав при этом на необходимость пополнения его армии личным составом и материальной частью. Командующий 48-й армией генерал-лейтенант П.Л. Романенко планировал наступление между реками Ола и Березина через местечко Щедрин вдоль Березины с дальнейшим выходом на железную дорогу Жлобин–Бобруйск и просил для развития главного удара выделить 42-й стрелковый корпус, который Горбатов собирался использовать для вспомогательного удара в своей полосе. После того, как Романенко отверг возможность успеха наступления через р. Днепр, Горбатов, ссызвив, «выразил сомнение» в том, что части 48-й армии пробьют лесной массив в направлении главного удара. Подчеркну, что именно этот аргумент стал для Рокоссовского главной причиной вторичного пересмотра плана действий его войск.

На том же совещании командующий 65-й армией генерал-лейтенант П.И. Батов предложил нанести удар на Паричи в обход болотистого массива – с юго-запада и приступить к операции раньше 3-й армии, которая начнёт действовать не позже чем через двое суток после наступления войск 65-й и 48-й армий. Выступивший затем Рокоссовский предложил командармам провести разработку и планирование операции с учётом своих сил и средств усиления³¹. По итогам присланных штабами армий намёток предстоящих действий штаб 1-го Белорусского фронта разработал «План наступательной операции правого-фланговых армий фронта на Бобруйском направлении»³² (см. рис. 2).

Из этого документа, значившегося как «Доклад Верховному главнокомандующему»³³, выделю несколько характерных моментов. Согласно представленному плану (в отличие от окончательного варианта) 65-я армия находилась на вспомогательном направлении и действовала лишь одним танковым полком и двумя самоходными артполками. 3-я армия на седьмой день операции выходила в район Ступени (восточный берег Березины – 10 км юго-восточнее Бобруйска), где соединялась с частями 48-й армии, создавая «котёл» жлобинской группировке противника. При выходе на берег Березины в стык между 48-й и 3-й армиями направлялась 28-я армия, в задачи которой входило взятие Бобруйска. 12 мая в СВГК был отослан план Бобруйской операции с указанием её цели: «разгромить жлобинскую группировку противника»³⁴,

³⁰ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 296–297.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 26, л. 38–41.

³² Там же, л. 42–48.

³³ Там же, л. 43.

³⁴ Там же, л. 42.

Рис. 2. План операции войск 1-го Белорусского фронта, отправленный в Ставку 12 мая 1944 г.

а затем развить успех в направлении Осиповичей. Начать наступление предполагалось частями 3-й и 48-й армий в зависимости от состояния дорог уже 1–5 июня. Правый фланг 65-й армии должен был выступить на 2 дня раньше.

Особо отмечу, что если сначала Штеменко в своих воспоминаниях частично указывает на данный план («целью операции для 1-го Белорусского фронта они считали разгром жлобинской группировки гитлеровцев, а в дальнейшем – развитие успеха на Бобруйск, Осиповичи, Минск»)³⁵, то достоверность его следующего предложения вызывает большие сомнения: «При этом главные силы фронта наносили не один, а два одновременных удара равной мощи: первый – по восточному берегу реки Березина с выходом на Бобруйск, второй – по западному берегу, в обход Бобруйска с юга. Применение двух одинаковых по силе главных ударов, во-первых, дезориентировало противника, было для него внезапным, во-вторых, лишало его возможности противодействовать нашему наступлению с помощью манёвра. Вспомогательные действия намечались в направлении Слуцк, Барановичи»³⁶. В этом отрывке Штеменко допустил неточность: отосланный 12 мая в СВГК план предусматривал действительно нанесение двух ударов: главный – Бобруйск–Осиповичи–Минск и вспомогательный – м. Паричи–Слуцк–Барановичи³⁷. Штеменко не только называет эти удары главными, но и убирает «м. Паричи» из направлений вспомогательных действий. И если взглянуть на карту Белоруссии, то получается, что уже не 65-я армия находилась на вспомогательном направлении, а 47-я или 61-я, располагавшиеся на левом крыле фронта и наносившие удар на Слуцк. Это в корне меняет истинный замысел операции, спланированный в штабе 1-го Белорусского фронта. Поэтому важно понимать, что план от 12 мая абсолютно не походил на тот, который в итоге утвердили в Ставке. То, что эти строки Штеменко представил читателю до своего описания совещаний в СВГК 22 и 23 мая, могут привести к ложному выводу о том, что уже 20 мая в плане Генштаба, представленном Антоновым Сталину, данные «удары» фигурировали. Отсутствие

³⁵ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 177.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 26, л. 43.

же их, как выяснилось, в плане от 12 мая существенно меняет наше видение общего положения дел, которое сложилось перед окончательным обсуждением плана операции в Ставке.

Отсюда у Штеменко и неверная формулировка цели Бобруйской операции («разгром жлобинской группировки противника»), принятой уже после совещаний в Ставке. Это был второй план операции, который разрабатывался в спешке с 4 по 11 мая. Реализованным же в итоге оказался третий план, по-видимому, созданный с 12 по 22 мая, когда Рокоссовский перед вызовом в СВГК дорабатывал план боевых действий 1-го Белорусского фронта.

В чём суть нового предложения Рокоссовского и что именно заставило его пересмотреть план от 12 мая? Об этом он сам пишет в мемуарах: «Дело в том, что местность на направлении Рогачёв, Бобруйск позволяла сосредоточить там в начале наступления силы только 3-й армии и лишь частично 48-й. Если этой группировке не помочь ударом на другом участке, противник мог бы не допустить здесь прорыва его обороны, у него осталась бы возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей. Два же главных удара решали все проблемы: в сражение одновременно вводилась основная группировка войск правого крыла фронта, что было недостижимо на одном участке из-за его сравнительной ограниченности; противник терял реальные возможности манёвра; успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих участков, ставил немецкие войска в тяжёлое положение, а нашему фронту обеспечивал энергичное развитие наступления»³⁸. Таким образом, из-за условий местности задача сосредоточения больших сил на участке 48-й армии представлялась командующему фронтом невыполнимой. Изначально спланированный удар вдоль левого берега Березины из-за лесисто-болотистой местности также мог стать неудачным. Тогда Рокоссовский и решился на «два главных удара» – сразу ввести в бой все доступные силы (см. рис. 3).

Рис. 3. Окончательный план Бобруйской операции, утверждённый Ставкой 23 мая 1944 г.

³⁸ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 250–251.

Отмечу, что в имеющихся по рассматриваемой проблеме источниках самое большое число противоречий связано с темой обсуждения в Ставке планов Белорусской операции. Согласно Штеменко, их разработка была завершена к 14 мая, когда «всё было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты»³⁹, т.е. приняв все соображения штабов фронтов, СВГК оформила их в единый документ, текст которого от руки написал А.А. Грызлов. 20 мая этот общий план подписал Антонов.

В тот же день подготовленный Генштабом план операции был представлен Верховному главнокомандующему. Жуков вспоминал, что его, Василевского и Антонова Сталин вызвал в Ставку, чтобы «окончательно уточнить решение» (курсив мой. – М.С.) Верховного главнокомандования по плану летней кампании»⁴⁰. Однако это подразумевает утверждение всего плана операции, что противоречит словам Василевского: «20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточнённый план на окончательное утверждение в Ставку»⁴¹. Таким образом, 20 мая Сталин ничего не подписывал и ничего не утверждал. Далее Василевский пишет, что в этот день был представлен оформленный ещё 14 мая «разработанный Генштабом план». Значит, нет никаких оснований полагать, что СВГК без участия командующих фронтов внесла в план какие-либо изменения.

Кроме того интересен следующий фрагмент из воспоминаний Рокоссовского: «Мне приходилось, бывая в Ставке, неоднократно обращаться к нему (Антонову. – М.С.) с просьбами относительно обеспечения намечаемой операции и ответ был обычно один: “Пусть этот вопрос решит сам товарищ Сталин”»⁴². Соответственно, если бы Рокоссовский решился пересмотреть план операции, то доказывать преимущества нового плана ему всё равно пришлось бы лично Сталину. И если в итоге 1-й Белорусский фронт действовал по совершенно другому плану, вывод остаётся один – план был принят уже непосредственно в Ставке на последующих совещаниях.

Последний пункт особенно важен. Ведь именно об этих совещаниях в Ставке шла речь в воспоминаниях Рокоссовского, где он писал о своём споре с Верховным главнокомандующим о плане действий войск фронта. Некоторые видные военачальники отрицали сам факт того, что эти события вообще происходили, поэтому общий анализ источников и историографии совещаний в СВГК 22–23 мая представляется наиболее интересным.

Рокоссовский вспоминал: «Окончательно план наступления отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар – с плацдарма на Днепре (район Рогачёва), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого “продумывания” приходилось с новой

³⁹ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 177.

⁴⁰ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

⁴¹ Василевский А.М. Указ. соч. С. 399–400.

⁴² Освобождение Белоруссии... С. 139.

силой отстаивать своё решение. Убедившись, что я твёрдо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили. “Настойчивость командующего фронтом, – сказал он, – доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надёжная гарантия успеха”⁴³.

Впервые Рокоссовский затронул данный эпизод в 1964 г. в своём интервью «Военно-историческому журналу»⁴⁴. Биографы маршала В.И. Кардашов⁴⁵, В.Г. Радченко⁴⁶, И. Свистунов⁴⁷, А.Ф. Корольченко⁴⁸, К.К. Константинов⁴⁹ и исследователь действий СВГК в годы Великой Отечественной войны Ю.А. Горьков⁵⁰ описывают вышеназванные совещания, исходя исключительно из версии маршала, не сомневаясь в том, был ли на самом деле спор между ним и Сталиным (то же относится и к уже упомянутой статье Макара).

Особого внимания заслуживает книга Б.В. Соколова⁵¹, который сначала фактически цитирует мемуары Рокоссовского⁵², а затем с ярко выраженным желанием связать их с «Журналом посещений кремлёвского кабинета И.В. Сталина» пишет о том, что описываемое совещание на самом деле состоялось 26 мая. Это в принципе не стыкуется ни с одним источником, кроме самого «Журнала...».

Такая трактовка хода совещания 23 мая, при которой точка зрения Рокоссовского сомнению не подвергается, была бы вполне оправдана, если бы на нём присутствовали только Рокоссовский и Сталин. В действительности, по воспоминаниям участвовавшего в работе совещания Баграмяна, там ещё находились Жуков, Василевский, Антонов, член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Н.А. Булганин, член Военного совета 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант В.Е. Макаров и член Военного совета 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Д.С. Леонов⁵³. При этом в мемуарах Жукова отмечено: «Существующая в некоторых военных кругах версия о “двух главных ударах” на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К.К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И.В. Сталиным ещё 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку»⁵⁴. Становится непонятным, почему в научных трудах не были использованы воспоминания Жукова. Кроме того, если в мемуарах Василевского ничего не сказано о совещании в Ставке 23 мая, то Баграмян в своих воспоминаниях затронул этот вопрос, и что интересно – его точка зрения не совпадает ни с мнением Жукова, ни с мнением Рокоссовского.

⁴³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 284.

⁴⁴ Рокоссовский К. Два главных удара // Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 13–18.

⁴⁵ Кардашов В.И. Рокоссовский. М., 1980. С. 358–360.

⁴⁶ Радченко В.К. Константин Рокоссовский – солдат, полководец, человек. М., 2007. С. 322.

⁴⁷ Свистунов И. Сказание о Рокоссовском. М., 1982. С. 192–293.

⁴⁸ Корольченко А.Ф. Маршал Рокоссовский. Ростов н/Д, 1999. С. 109–110.

⁴⁹ Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. М., 2007. С. 231–234.

⁵⁰ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 117.

⁵¹ Соколов Б. Рокоссовский. М., 2010.

⁵² Там же. С. 299–301.

⁵³ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 299–300.

⁵⁴ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

В.О. Дайнес⁵⁵ был единственным биографом Рокоссовского, использовавшим в ходе своего исследования не только мемуары Жукова, но и запись беседы К.М. Симонова с Василевским, в ходе которой маршал говорил о том, что не помнит ни о каком споре Рокоссовского с Верховным главнокомандующим. Тот факт, что некоторые военачальники были не согласны с Рокоссовским в описании событий в Ставке, упоминает и Ю.В. Рубцов⁵⁶. Правда, ни Дайнес, ни Рубцов не сделали никаких выводов, оставив вопрос открытым.

Отдельно стоит сказать о мемуарах Штеменко⁵⁷, исходя из которых можно действительно прийти к выводу о том, что 20 мая оба удара 1-го Белорусского фронта фигурировали в общем плане Генштаба. Так, Л.С. Золотов⁵⁸, основывая свои выводы на воспоминаниях Жукова и Штеменко, пишет о том, что Рокоссовский не спорил со Сталиным, а «оба удара» спланировал Генштаб. Учитывая, что в мемуарах Штеменко допущена неточность, этот вывод становится безосновательным. Именно мемуары Штеменко, изданные до «Воспоминаний...» Жукова, путали многих исследователей. Поэтому, например, Константинов⁵⁹ и Кардашов⁶⁰, отстаивая точку зрения Рокоссовского, в то же время писали о том, что «два удара» были запланированы уже 12 мая.

В сборнике «Три маршала Победы»⁶¹ из девяти статей о Рокоссовском, часть которых посвящена и его личным отношениям с Жуковым, лишь публикация Г.А. Куманёва затрагивает вопросы подготовки Белорусской операции и спора маршала с Верховным⁶². Упомянув о принятии решения о нанесении «двух главных ударов» автор пишет: «Сам ход и развитие Белорусской операции в июне–июле 1944 г. блестяще подтвердили всю правоту указанного неординарного и смелого решения Рокоссовского. (Вскоре Ставка ВГК после продолжительного обсуждения приняла этот план.)»⁶³. Значит, Куманёв считает действительным случай, описанный Рокоссовским (правда, на основе лишь одного источника – статьи К.Ф. Телегина⁶⁴).

В мемуарах Жукова общий ход принятия плана операции «Багратион» представлен достаточно подробно (видимо, поэтому значительная часть описываемых маршалом событий повторялась и в других источниках). Утверждение его о том, что после ознакомления с планом 20 мая Верховный главнокомандующий вызвал в Ставку командующих фронтами Баграмяна, Черняховского и Рокоссовского⁶⁵ сомнений не вызывает, но возникает вопрос: когда же именно проходили совещания с командующими? Жуков записал: «22 мая Верховный главнокомандующий в моём присутствии принял А.М. Василевского, А.И. Ан-

⁵⁵ Дайнес В. Рокоссовский. Гений манёвра. М., 2008. С. 449–450.

⁵⁶ Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 145–146.

⁵⁷ Штеменко С.М. Указ. соч.

⁵⁸ Золотов Л.С. Полководческая деятельность К.К. Рокоссовского в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁵⁹ Константинов К. Указ. соч. С. 230.

⁶⁰ Кардашов В. Указ. соч. С. 356–357.

⁶¹ Три маршала Победы: По материалам научной конференции, посвящённой 100-летиям маршалов СССР Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского / Под ред. В.Г. Куликова. М., 1999.

⁶² Куманёв Г.А. Маршал Рокоссовский в воспоминаниях его соратников // Три маршала Победы... С. 267–282.

⁶³ Там же. С. 276–277.

⁶⁴ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии. С. 83–84.

⁶⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

тонова, К.К. Рокоссовского, а 23 мая И.Х. Баграмяна и И.Д. Черняховского». Однако по воспоминаниям Штеменко и Баграмяна, Черняховский отсутствовал по болезни и в этих заседаниях не участвовал⁶⁶. Это подтверждает и Горьков, основываясь на «Журнале боевых действий 3-го Белорусского фронта» и указывая, что Черняховский прибыл в Ставку лишь 25 мая⁶⁷.

И если всё-таки Жуков прав, то весьма спорным остаётся вопрос о характере совещаний в СВГК. Баграмян пишет, что, прибыв в Москву 22 мая, он был приглашён в Генеральный штаб «для ознакомления с замыслом и планом предстоящей наступательной операции, подготовленными для доклада Сталину». При этом автор указывает, что в кабинете Антонова уже находился Рокоссовский: «Когда перешли к делу, генерал А.И. Антонов объявил, что нам предстоит поочередно обсудить с Г.К. Жуковым и А.М. Василевским, которые готовы принять нас, все вопросы, связанные с участием войск каждого фронта в намечаемой операции... Первыми, в порядке установленной очерёдности, побывали на приёме у ближайших соратников И.В. Сталина мы с Леоновым»⁶⁸. Соответственно, 22 мая, согласно данному источнику, никакого доклада Рокоссовского Сталину вовсе не было. Тем не менее Макар, основываясь на мемуарах Жукова и Рокоссовского (в которых высказываются абсолютно противоположные точки зрения), утверждает, что именно в этот день командующий 1-м Белорусским фронтом в споре с Верховным доказал необходимость нанесения «двух главных ударов» на правом крыле фронта.

Интересен факт, на который указывает Горьков: «Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал-полковник И.Д. Черняховский прибыл в Ставку 25 мая и был принят Г.К. Жуковым и А.М. Василевским ещё до доклада Сталину... на другой день, 26 мая, в Кремле, докладывал план операции фронта с учётом мнения Г.К. Жукова и А.М. Василевского»⁶⁹. Таким образом, два командующих фронтами из трёх, участвовавших в совещаниях в Ставке в конце мая, в первый день своего прибытия в Москву были только в Генштабе, т.е. наиболее вероятно, что 22 мая Рокоссовский также находился на приёме лишь у Жукова и Василевского.

Итак, по воспоминаниям Баграмяна, на совещании 23 мая кроме него присутствовали: Сталин, Жуков, Василевский, Антонов, Рокоссовский, Булганин, Макаров и Леонов⁷⁰. Штеменко приводит иной состав: Жуков, Василевский, Баграмян, Рокоссовский, члены военных советов 1 и 3-го Белорусских фронтов, а также Главный маршал авиации А.А. Новиков, Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, начальник тыла РККА генерал армии А.В. Хрулёв, маршал инженерных войск М.П. Воробьёв, нарком связи СССР маршал войск связи И.Т. Пересыпкин и работники Генштаба во главе с Антоновым⁷¹.

Яковлев же и Воронов в своих воспоминаниях ничего не пишут о совещаниях в СВГК⁷². Пересыпкин описывает лишь ту часть совещания, что началась с доклада Антонова: «В Ставке Верховного главнокомандования 22 и 23 мая

⁶⁶ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 177; Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 299–300.

⁶⁷ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 117.

⁶⁸ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 297.

⁶⁹ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 117–118.

⁷⁰ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 299–300.

⁷¹ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 178.

⁷² Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 163–166; Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 422–433.

1944 года состоялось совещание, в котором принимали участие И.В. Сталин, командующие и члены Военных советов 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, руководящие работники Генерального штаба и Наркомата обороны. Для участия в работе совещания в числе других пригласили и меня»⁷³. Тем не менее Иван Терентьевич полностью подтверждает факт присутствия на заседании тех, кого называли Штеменко и Баграмян⁷⁴. Значит, заседание точно состоялось 23 мая в виде расширенного совещания СВГК.

А вот что по этому поводу пишет Соколов, исходя из «Журнала посещений кремлёвского кабинета И.В. Сталина» от 21–26 мая: «Память немного подвела Константина Константиновича. Это памятное заседание... происходило 26 мая 1944 года... Очевидно, “Багратион” в первый день обсудили на уровне Генштаба и командующих родов войск, прежде всего с точки зрения того, какие силы и средства могут потребоваться для проведения операции. Во второй же день вместе с командующими фронтами решали вопросы о задачах фронтов и армий, в том числе направления ударов и предполагаемое движение по дням операции. А 22 и 23 мая Сталин принимал не высокопоставленных советских военных, а Ванду Василевскую, Тадеуша Василевского»⁷⁵. Однако стоит ли делать подобные выводы на основе одного документа, обходя всю мемуарную литературу? Кроме того известно, что, во-первых, Сталин принимал этих посетителей лишь вечером (22 мая – с 19 час., а 23 мая – с 20 час. 55 мин.)⁷⁶, во-вторых, заседания Ставки не всегда проходили в кремлёвском кабинете вождя.

Вернёмся к воспоминаниям Жукова: «Поскольку, как это бывало при подготовке крупных операций, разработки планов в Генштабе и штабах фронтов шли параллельно, а командование фронтов, Генштаб и заместитель Верховного главнокомандующего поддерживали между собой тесный контакт, проекты планов фронтов полностью соответствовали замыслам Ставки и были тогда же утверждены Верховным главнокомандующим»⁷⁷. Это положение весьма спорно. Иную точку зрения высказывали в своих воспоминаниях не только Рокоссовский, но и Василевский, писавший, что после совещаний с командующими «Генштаб должен был представить уточнённый план на окончательное утверждение в Ставку»⁷⁸, Баграмян, предложивший совместно с Жуковым пересмотреть план операции⁷⁹, а также Черняховский: «Просьба командующего была удовлетворена, а план был доработан и 27 мая без замечаний утверждён»⁸⁰.

Рассмотрим непосредственно обсуждение плана Белорусской операции в Ставке 23 мая, в частности, вопроса о «двух главных ударах». Баграмян пишет: «Хорошо помню, что вопреки предложению Генерального штаба нанести войсками фронта мощный удар только на одном участке прорыва Константин Константинович весьма обоснованно решил создать две ударные группировки, которым надлежало прорвать оборону противника на двух участках, чтобы последующим наступлением в глубь обороны окружить и разгромить главную

⁷³ Пересыпкин И.Т. ...А в бою ещё важней. М., 1970. С. 211.

⁷⁴ Освобождение Белоруссии... С. 113–114.

⁷⁵ Соколов Б. Указ. соч. С. 300–301.

⁷⁶ На приёме у Сталина. С. 433.

⁷⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

⁷⁸ Василевский А.М. Указ. соч. С. 400.

⁷⁹ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 297–298.

⁸⁰ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 118.

группировку противника. Это предложение командующего решительно поддержали Г.К. Жуков и А.М. Василевский, и оно было одобрено Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным»⁸¹. Казалось бы, частично подтверждается написанное Рокоссовским, но выражение «предложение командующего решительно поддержали Г.К. Жуков и А.М. Василевский» вызывает большие сомнения. Если это действительно так, то почему оба маршала столь негативно высказываются о «неточностях» в воспоминаниях Рокоссовского о планировании Белорусской операции?

Складывается впечатление, что последняя фраза отредактирована уже не самим И.Х. Баграмяном. И даже есть некоторые основания так полагать. Уже после войны, для того чтобы мемуары советских военачальников были более достоверны и вписывались в единую картину, не сильно расходясь в трактовке событий, их работы проверялись в Военно-историческом отделе Генштаба, о чём в беседе со мной упомянул генерал-майор в отставке В.В. Гуркин. Таким образом, изданные позднее мемуары вполне могли приводиться в соответствие с более ранними трудами.

Ведь именно Жуков в своих воспоминаниях написал слова, которые для многих стали основой для отрицания факта спора между Рокоссовским и Сталиным: «Существующая в некоторых военных кругах версия о “двух главных ударах” на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К.К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И.В. Сталиным ещё 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку»⁸². Ранее уже отмечалось, что первоначальный план предусматривал нанесение одного главного удара и одного вспомогательного. Об этом пишет Малинин⁸³, а Телегин⁸⁴ утверждает, что именно Ставка ориентировала штаб 1-го Белорусского фронта на нанесение одного главного и одного вспомогательного ударов.

Также Жуков отмечает: «Нелишне здесь заметить также, что в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли “мощными ударами”. Я подчёркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в оперативно-стратегическую терминологию»⁸⁵. Здесь стоит вспомнить о бесспорной субъективности мемуаров. Так, Василевский во время своего разговора с Симоновым указал на совсем другое: «Я говорил о некоторых существенных недочётах в нашей мемуарной литературе. В частности, такие недочёты есть в воспоминаниях Рокоссовского о Белорусской операции, там, где он рассказывает о её планировании. Он рассказывает там о том, как он был вызван в Ставку... Сталин в конце концов махнул рукой и согласился. Я... присутствовал на этом обсуждении плана операции и, во-первых, не помню такого спора, а во-вторых, в воспоминаниях Рокоссовского сам этот момент – предложение о двойных ударах, наносимых на одном фрон-

⁸¹ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 300.

⁸² Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 221.

⁸³ Малинин М. Указ. соч. С. 19.

⁸⁴ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии. С. 83–84.

⁸⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 221.

те, – трактуется как некое оперативное новшество. И это уже вовсе странно. Двойные удары силами одного фронта не были для нас новшеством в сорок четвёртом году. Такие удары наносились и раньше. Достаточно привести пример Московской операции, где контрудары по немцам наносились и на южном, и на северном флангах Западного фронта, и Сталинградской операции, где Сталинградским фронтом наносились удары на двух направлениях, да и ряд других операций, предшествовавших Белорусской»⁸⁶.

Замечу, что в своих мемуарах Василевский ни о чём подобном не упоминает⁸⁷. Безусловно, в записях Симонова содержится пересказ, а не стенограмма разговора с маршалом, и, возможно, в действительности его слова могли звучать совершенно иначе – это, признаюсь, затрудняет использование данной записи как источника. Однако возникает вопрос: почему Василевский совсем не помнит о самом споре? Интересно, что маршал в беседе с Симоновым всё же считал, что в плане 1-го Белорусского фронта были два главных удара. Относительно же того, что в 1944 г. они не были новшеством, стоит кое-что уточнить. Войсками Западного фронта в Московской операции командовал маршал Жуков, и из его объяснительной записки к плану операции следует: «Ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта»⁸⁸. Жуков сам пишет «о двух ударах», но в своих воспоминаниях указывает на то, что один фронт никогда не наносил двух равноценных ударов. Этот вопрос безусловно ещё требует уточнений. Что же касается Сталинградского фронта, то здесь Василевским допущена явная неточность, так как известно: «По решению командующего Сталинградским фронтом *главный удар* (курсив мой. – М.С.) наносили 64, 57 и 51-я армии... Часть сил фронта должна была наступать в направлении Абганерово, Котельниковский»⁸⁹. Считать последнее вторым ударом нельзя, так как в формулировке прописан лишь один главный удар. Впрочем, рассмотрение данного вопроса об использовании «двух главных ударов» с военной точки зрения требует отдельного исследования.

Тем не менее об исключительности применения двух ударных группировок в Бобруйской операции писал и Телегин: «Коротко отмечу только, что окончательный вариант входил в явное противоречие с классическими канонами оперативного искусства. По замыслу К.К. Рокоссовского, опиравшегося на всестороннее, детальное знание сложившейся обстановки, принятым вариантом предусматривалось нанесение двух ударов, из которых каждый был в своём роде главным»⁹⁰. Эти мемуары стали ещё одним источником, в котором присутствует описание спора Рокоссовского со Сталиным. Особо замечу, что ни в одной исследовательской работе оно не приводилось: «Рассказ этот записан хотя и по памяти, но вскоре после окончания войны. Ряд положений мной выверен (при записи) в личном общении с К.К. Рокоссовским... «Наши предложения

⁸⁶ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 463.

⁸⁷ Василевский А.М. Указ. соч. С. 399–400.

⁸⁸ ЦАМО РФ, ф. 16А, оп. 947, д. 36, л. 70–72.

⁸⁹ История Второй мировой войны.... Т. 6. М., 1976. С. 45.

⁹⁰ Телегин К.Ф. Войны неслыханные вёрсты. М., 1988. С. 292–293.

рассматривались первыми”, – начал свой рассказ Константин Константинович. “Мы уже ознакомились с Вашим планом, – сказал Сталин, обращаясь ко мне, – и большинство присутствующих здесь его не одобряет. Они утверждают, что Ваше намерение наносить два главных удара на правом фланге идёт вразрез с прописными положениями военной науки. Вы настаиваете на своём варианте?”.

Я подтвердил обоснованность нашего варианта. Тогда Сталин обратился к присутствовавшим и предложил им высказать свою точку зрения. Тут мне, скажем прямо, досталось: представитель Генштаба и члены Ставки чуть ли не в один голос обвинили меня в неграмотности, в незрелости оперативного мышления и вообще в неспособности разработать план, заслуживающий рассмотрения. “Где это видано, – говорил один из выступавших, – чтобы на одном оперативном направлении наносились два главных удара, чтобы войска били растопыренными пальцами, расплылись силы и заведомо ставился под угрозу срыва успех самой операции?”⁹¹. Далее, уже в соответствии с мемуарами Рокоссовского, описан ход совещания в Ставке 23 мая.

Произошедшие в этот день события, по мнению Рокоссовского, повлияли на его дальнейшие отношения с Жуковым. «В ночь на 24 июня, – писал Константин Константинович, – мы с генералами Телегиным, Казаковым и Орлом поехали в 28-ю армию. Представитель Ставки Г.К. Жуков, в своё время горячо отстаивавший идею главного удара с днепровского плацдарма (курсив мой. – М.С.) 3-й армии, отправился туда. Уезжая, Георгий Константинович шутя сказал мне, что они с Горбатовым подадут нам руку через Березину и помогут вытащить войска из болот к Бобруйску. А вышло-то, пожалуй, наоборот»⁹². Удар под Паричами полностью себя оправдал. А вот на участке 3-й армии войска не сумели прорвать оборону противника, и, как вспоминал Пересыпкин, «на вышку поднялся Георгий Константинович Жуков. Там и состоялся не совсем приятный разговор Жукова с Горбатовым. Собственно, говорил Жуков, а командарм молча слушал»⁹³. Уже в мемуарах Жуков указывал: «В труде “Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история” (с. 347–348) при описании Белорусской операции не совсем точно излагается ход событий в районе Рогачёва. Перелом в событиях в районе Рогачёва здесь объясняется успешными действиями паричской группировки фронта»⁹⁴. Жуков видит несколько другие причины конечного успеха при прорыве на участке 3-й армии, по-прежнему не беря в особый расчёт прорыв обороны противника под Паричами. Далее он находит следующие аргументы в подтверждение своей позиции: «При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачёвско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва против южного участка. К тому же армии не имели достаточных средств прорыва. Будучи представителем Ставки, я вовремя не поправил командование фронта»⁹⁵.

⁹¹ Там же. С. 293–294.

⁹² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 290.

⁹³ Пересыпкин И.Т. Указ. соч. С. 218.

⁹⁴ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 228.

⁹⁵ Там же.

Замечу, что из авторов пяти воспоминаний факт спора Рокоссовского со Сталиным о «двух главных ударах» полностью подтвердили лишь Рокоссовский и Телегин, частично – Баграмян, отрицали – Жуков и Василевский. Вполне вероятно, что источников по этой проблеме могло бы быть больше, если бы не официальная позиция 1970-х гг., когда была издана бóльшая часть мемуарной литературы. Так, уже в первой из статей сборника «Освобождение Белоруссии. 1944», написанных советскими военачальниками, Жуков пишет, что версия о «двух главных ударах» лишена основания. Далее следуют статьи Василевского, который о совещаниях в Ставке не упоминает; Баграмяна – ни слова о «двух ударах». Наконец, четвертая статья представлена отрывком из мемуаров Рокоссовского, которого к тому моменту уже не было в живых, но и здесь – ничего о его споре со Сталиным (часть текста вырезана)⁹⁶. Возможно, что и в каких-то других мемуарах фрагменты о совещаниях в Ставке были исключены – вышедшие позднее воспоминания приводились в соответствие с ранее изданными.

Итак, план 1-го Белорусского фронта изначально предусматривал нанесение одного главного и одного вспомогательного ударов и был далёк от того, что впоследствии будет называться планом Бобруйской наступательной операции, так как целью плана от 12 мая был разгром жлобинской группировки противника, а итогового – бобруйской⁹⁷. Первый план предполагал развитие успеха лишь в направлении Осиповичей, а во втором уже прописывалось: «В дальнейшем развивать наступление двумя ударными группами в направлениях: а) Осиповичи, Пуховичи... б) Ст. Дороги, Слуцк»⁹⁸. План действий 1-го Белорусского фронта, отражённый в плане Генштаба от 20 мая, полностью не соответствовал окончательно утверждённому плану. Логично предположить, что в период обсуждения плана в Ставке кто-то предложил пересмотреть направления ударов.

В подтверждение же слов Рокоссовского говорит ещё и тот факт, что маршал упомянул о двух главных ударах впервые даже не в 1964 г., а сразу после войны – в 1945 г., выступая на военно-научной конференции Северной группы войск, где заявил: «Если при прорыве вы имеете возможность создать превосходство только на одном направлении, прорывайте на одном. Если есть силы для прорыва фронта на двух-трёх направлениях, прорывайте этим методом. Я лично всегда был и остаюсь сторонником этого метода прорыва. Но как то, так и другое решение, безусловно, является правильным, так как всё зависит от наличия сил»⁹⁹.

В целом, при анализе трёх планов 1-го Белорусского фронта стоит обратить внимание на их оригинальность, в особенности первого и последнего. Следует отметить, что фронтальные удары ушли в прошлое, и советские офицеры в 1944 г. планировали боевые действия уже по всем правилам манёвренной войны, а опыт проведения Белорусской операции оказался для них бесценным. Она разрабатывалась на совещаниях СВГК в тесном сотрудничестве со штабами фронтов, на основе предложений которых и был подготовлен общий план операции «Багратион». Ключевым фактором её успешного осуществления стало именно чёткое взаимодействие между Ставкой и штабами фронтов.

⁹⁶ Освобождение Белоруссии... С. 138, 141.

⁹⁷ ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 26, л. 60.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 145–146.